A. Odinocky. Ferfluchte Frage. Question maudit.

Prix: 50 cent.—40 pf.—5 d.—15 cts.

А. ОДИНОКІЙ.

ПРОКЛЯТЫЙ ВОПРОСЪ

Беллетристическій Разсказъ

Изданіе автора.

ЖЕНЕВА
Кооперативная Типографія, 93 rue de Carouge 93.
1904.

UNIVERSITY OF
ILLINOIS LIBRARY
AT URBANA-CHAMPAIGN

BOOKSTACKS

A. Odinocky. Ferfluchte Frage. Question maudit.

Prix: 50 cent.—40 pf.—5 d.—15 cts.

А. ОДИНОКІЙ.

ПРОКЛЯТЫЙ ВОПРОСЪ

Беллетристическій Разсказъ

Изданіе автора.

ЖЕНЕВА
Кооперативная Типографія, 93 rue de Carouge 93.
1904.

891.73
Od3
Op

Проклятый вопросъ.

Наступили майскіе дни... Повѣяло теплотой свѣжестью, и жизнью... новой возродившеюся жизнью, которая подкралась какъ бы незамѣтно и вдругъ дала знать о себѣ во всѣхъ уголкахъ души и тѣла приливомъ цѣлаго роя новыхъ ощущеній, трепетно — сладостнымъ предчувствіемъ чего-то сильнаго и манящаго, смутными порывами куда-то и къ чему-то, что такъ хотѣлось обнять, прижать къ себѣ, впивать въ себя... Василій переживалъ все это особенно сильно и болѣзненно-мучительно. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онъ велъ самую напряженную жизнь, и днемъ и ночью, душой и тѣломъ, весь уходилъ въ общественную работу, вѣрнѣе сказать. борьбу, которой онъ отдавался со всѣмъ энтузіазмомъ, страстью и увлеченіемъ молодой и пылкой души, въ которой какъ бы исчезли и жажда знаній и жажда любви, счастья, наслажденій и прочихъ благъ житейскихъ, что на обывательскомъ языкѣ зовется „личной жизнью". Но подошла весна, и Василій почувствовалъ утомленіе, апатію и какъ бы вынужденность къ той работѣ, которую прежде выполнялъ съ такимъ страстнымъ, личнымъ влеченіемъ. Въ его душѣ забродили новыя чувства, новыя влеченія — и ему захотѣлось „жить", „жить", дышать полною грудью, брать все, что можно взять въ эту чудную пору благоухающей и опяняющей весны.

Скоро „жить" стало значить для него „любить"; женщина съ ея невѣдомымъ, но дивнымъ міромъ, съ ея глубокой, своеобразной, тонко чувствующей и

нѣжной душой стала заполнять всѣ его мечты и порыванія, — и все лучше и сильное его души неумолчно просило, умоляло кого-то о любви, святой и возвышающей любви. Въ эти дни онъ съ особой болью и тоской вспомнилъ дѣвушку, которую, ему казалось, онъ безумно любилъ, но съ которой онъ долженъ былъ разстаться, ибо его любили только любовью брата, и сестры. Его считали самымъ близкимъ, дорогимъ, но только... товарищемъ. Василій такое серьезное и глубокое чувство къ женщинѣ переживалъ тогда впервые. Онъ не зналъ, какъ назвать это чувство, но онъ ощутилъ къ этой оригинальной, глубокой и богато-одаренной натурѣ дѣвушки непреодолимое влеченіе — и выражалось это влеченіе въ страстномъ желаніи всегда вмѣстѣ жить, вмѣстѣ читать, думать, переживать и дѣлиться своими душевными и идеалiными запросами, вмѣстѣ работать; дѣлить и горе и счастье вдвоемъ... Ничего больше... Если это называется любовью, то пусть будетъ любовь... Но и она вѣдь должна была ощущать такія же стремленія... Она съ такимъ же интересомъ вмѣстѣ съ нимъ и читала, и думала, и повѣряла свои самыя сокровенныя движенія души. Онъ стоялъ выше ея по своимъ знаніямъ, духовному развитію, общественному мировозрѣнію и въ совмѣстныхъ долгихъ бесѣдахъ и чтеніяхъ расширялъ передъ нею духовные и общественные горизонты, открывалъ ей такъ много новаго, такъ завладѣвалъ ея вниманіемъ, душой, такъ сильно вліялъ на ея душу и дѣлался этой душѣ съ каждымъ днемъ такимъ родственнымъ и незамѣнимымъ, — что, казалось, такое сближеніе, сростаніе ихъ душъ, ихъ идеальныхъ порывовъ и стремленій — должно было и въ ней вызвать такое же сильное, непреодолимое влеченіе къ дальнѣйшему сближенію, къ постоянной совмѣстной жизни и работѣ. Но вышло иначе... Когда Василій во всей своей наивной непосредственности заявилъ о своемъ желаніи жить вмѣстѣ и продолжать всегда и вмѣстѣ такую жизнь, какую они вели до сихъ поръ, слу-

чайно столкнувшись и заинтересовавшись другъ другомъ, — жизнь, полную такого глубокаго духовнаго содержанія и высокой поэтической прелести — ему заявили, что это... любовь... что онъ ей страшно близокъ... близокъ, какъ братъ и другъ... но не больше, что въ ней такого сильнаго и непреодолимаго желанія пока еще нѣтъ... не знаетъ, что будетъ въ будущемъ, но сейчасъ... сейчасъ надо разстаться...

II.

И онъ разстался... уѣхалъ... ушелъ весь въ работу, чтобы забыться и заглушить въ себѣ это неудовлетворенное чувство, эту душевную обиду и вѣчное отчужденіе отъ дорогого ему человѣка... А вотъ теперь, въ эти проклятые майскіе дни, онъ опять почувствовалъ столь знакомую ему душевную и сердечную истому, это сильное, неудержимое порываніе къ женщинѣ... Сперва ему представлялся въ мечтахъ лишь чистый, свѣтлый образъ идеальной дѣвушки, которую онъ хотѣлъ теперь встрѣтить во плоти, здѣсь, въ этомъ большомъ и чуждомъ ему городѣ, полюбить ее, лелѣять и наслаждаться поэзій весны и любви. Въ любовномъ пожатіи руки, объятіи, поцѣлуѣ, въ вечернихъ прогулкахъ вдвоемъ, рука объ руку, далеко за городомъ, въ взаимномъ проникновеніи душою, чувствами, мечтами, кристально-чистыми и идеальными, и, какъ сама весна, молодыми порывами—въ этомъ теперь для Василія заключался весь міръ, всѣ его помыслы и желанія... Любви, любви и только любви!... Но любить было некого, а чувства и палящая, сжигающая жажда женщины, ея ласки, съ каждымъ днемъ говорили въ немъ все сильнѣе и сильнѣе; что-то мощное, стихійное и непреодолимое властно заполняло все его существо, сжигало мозгъ, мутило сознаніе и волю...

И Василій сталъ бояться этого. Онъ почувствовалъ, что уже говоритъ въ немъ страсть, стихійная животная страсть... Идеальный, платоническій, образъ, дѣвушки сталъ туманиться и исчезать, а вмѣсто него

горячечное, воспаленное воображеніе представило ему женщину во всей ея обольстительной физической красотѣ, со всѣми ея прелестями и дразнящими формами. Цѣловать женщину, обнимать ее, упиваться ея тѣломъ теперь для него стало самоцѣлью, а не проявленіемъ любви, которая бы относилась къ этому внѣшнему проявленію, какъ внутреннее, душевно-радостное состояніе относится къ выражающей его внѣшней улыбкѣ, — теперь его воображеніе поэтизировало и обоготворяло женщину вообще и больше ея тѣло, чѣмъ ея душу...

И страшно, безумно страшно, становилось Василію...

Онъ зналъ, что значили эта страсть, этотъ мутящійся мозгъ, эта слабѣющая воля, эта болѣзненно-воспаленная работа воображенія, эта стучащая кровь въ вискахъ, эти затуманившіеся, но пылающіе горячечнымъ жаромъ глаза, эти запекшіяся губы, эта знобящая и сжигающая лихорадка въ тѣлѣ... Все это грозило паденіемъ, тѣмъ позорнымъ паденіемъ, которое онъ два или три раза уже пережилъ въ своей жизни и которое легло на его душу такимъ тяжелымъ, гнетущимъ клеймомъ, такимъ леденящимъ призракомъ и ужасающимъ кошмаромъ...

III.

Да, Василій не былъ дѣвственникомъ — и эта заполонившая его страсть, которой онъ отдался не съ легкимъ сердцемъ, не добровольно, а въ мучительной борьбѣ, въ которой онъ даже не сдавался, а просто сломился, потерявши волю и сознаніе—эта животная страсть была для Василія самымъ проклятымъ, трагическимъ вопросомъ его жизни.

Василій палъ, когда ему было 16 или 17 лѣтъ, когда въ немъ отсутствовало какое бы то ни было сознательное отношеніе къ явленіямъ общественной жизни; когда въ душѣ его еще небыло мѣста той оцѣнкѣ дѣйствительности, людскихъ отношеній, въ сферѣ борьбы за существованіе, въ сферѣ взаимныхъ

отношеній половъ — той оцѣнкѣ, которая клеймила бы современный жизненный укладъ, какъ жестокій гнетъ и подчиненіе однихъ и сытая, разгульная, развращенная продажностью и законнымъ грабительствомъ жизнь другихъ, оцѣнкѣ, — которая указала бы на всю ужасающую грязь и жестокую безчеловѣчность проституціи, гдѣ изъ за голой нужды продается и душа и тѣло, и любовь, и человѣческое достоинство, оплевывается и оскверняется самое дорогое, святое, что только есть въ человѣкѣ, и что, такимъ образомъ, обращается, изъ дѣвственно-божественнаго въ гнойное — скотское и звѣрское...

Не было тогда у Василія этого просвѣтленнаго знанія жизни, не было и такой окружающей среды, которая защитила бы его юную душу отъ безсознательныхъ, но роковыхъ шаговъ въ его едва пробуждавшихся порывахъ къ самостоятельной и цѣлостной жизни. Не было у Василія и сестръ, дѣвочекъ-подругъ, женскаго круга, который дѣйствовалъ бы облагораживающе на первые порывы пробивающейся молодости, юношеской зрѣлости и безотчетнаго влеченія къ другому полу. Не было и благотворнаго вліянія семьи, той семьи, въ которой царили бы взаимное довѣріе и истинная любовь между старшими и младшими, гдѣ бы дѣти не стѣснялись открывать свою душу, повѣрять свои тревоги и волненія и искали бы разъясненія и руководства въ своихъ смутныхъ, но властныхъ порываніяхъ молодой, еще неустановившейся жизни...

Наоборотъ, въ его мелкомѣщанской семьѣ между родными и Василіемъ царила полная отчужденность, даже враждебность и было тамъ за правило, что самое интимное, самое сокровенное могло повѣряться кому угодно, но только не роднымъ, не своей семьѣ.—

А тутъ заговорило что-то новое, дотолѣ не испытанное, непонятное, но таинственно-чудесное и невыразимо блаженное, трепетно-сладостное, что такъ часто заливало его истымъ румянцемъ и такъ уча-

щенно билось въ крови и сердцѣ. При встрѣчѣ съ женщинами, которыя дотолѣ совершенно не выдѣлялись Василіемъ изъ круга мущинъ, другихъ людей, были для него совершенно безразличны-теперь его всего заливало краской стыда, заставляло вдругъ почему-то потуплять взоры — и въ то же время страстно хотѣлось глядѣть на нихъ и относиться къ нимъ съ непонятнымъ ему самому, но такъ волновавшимъ его любопытствомъ и интересомъ.

Въ ихъ кругу, при ихъ появленіи его бросало въ жаръ и холодъ, учащенно билось сердце, а прикосновеніе къ женской рукѣ, къ тѣлу, самое невинное прикосновеніе, приводило его въ невыразимый трепетъ, стыдъ и вызывало какую то острую, но невыразимо сладостную боль. Чтобы не выдать себя, онъ убѣгалъ, прятался и старался всегда держаться въ сторонѣ съ тѣми женщинами, съ которыми ему приходилось сталкиваться въ своей семьѣ. Но на улицѣ это было невозможно, да и не къ чему: проходившія мимо него женщины могли не замѣчать того, что дѣлается съ нимъ—и тутъ то онъ отдавался въ волю тому сладостному, увлекательному ощущенію и трепетному волненію, какія вызывало въ немъ присутствіе женщины.

— Его потянуло заговорить съ своими товарищами-однокашниками объ этихъ непонятныхъ ему, новыхъ переживаніяхъ, но заговорить осторожно, чтобы не выдать себя. Постоянная связь между новыми ощущеніями и присутствіемъ женщины ему скоро бросилась въ глаза; женщина, ея смутный образъ, ея міръ, вообще все „женское“ стали заполнять все его вниманіе, воображеніе, помыслы и мечты. Часто онъ самъ ловилъ себя во время уроковъ, зубрежки, что думаетъ совсѣмъ не о нихъ, а о женщинахъ: какія у нихъ бываютъ лица, красивѣе ли они мужчинъ, здоровѣе ли, почему у нихъ такіе пріятные, нѣжные голоса, почему они вообще нѣжнѣе, добрѣе и сердечнѣе, почему къ нимъ больше тянетъ, чѣмъ къ мужчинамъ, и что же это такое,

что такъ тянетъ къ нимъ?... Но разобраться во всемъ этомъ сумбурѣ новыхъ ощущеній онъ не могъ — и сталъ Василій внимательнѣй прислушиваться къ разговорамъ своихъ старшихъ товарищей, какъ только разговоръ у нихъ заходилъ о женщинахъ; старался и самъ незамѣтно наводить ихъ на разговоры, незамѣтно разспрашивать, разу навать...

На этотъ счетъ почему-то его товарищи-зеленые юнцы говорили особенно охотно и съ избыткомъ удовлетворяли его скрытому любопытству. Скоро онъ узналъ очень многое. Понять это многое, расцѣнить это многое: на хорошее и дурное Василій былъ тогда совершенно не въ состояніи: неоткуда было взяться собственному мѣрилу, а болѣе разумнаго въ этихъ вопросахъ авторитета, чѣмъ его старшіе юнцы-товарищи, также не было — не въ семьѣ же или у наставниковъ было разспрашивать объ этомъ „щекотливомъ", интимномъ вопросѣ.

И сталъ Василій мало по малу, подъ вліяніемъ разговоровъ, посвященій и смакующихъ углубленій въ этотъ обаятельный и все заполнявшій для него міръ — проникаться болѣе ясными и опредѣленными вожделѣніями.

IV.

И цѣловать женщину, гладить ея волосы, руки, касаться груди, стана, хотя бы платья, постоянно бывать съ ними, лицезрѣть ихъ, быть ласкаемымъ женщиной стало для него постоянной болѣзненно-страстной мечтой. Его воображеніе, фантазія были полны предвкушенія этого неизвѣданнаго блаженства —а какимъ свѣтлымъ, чистымъ и поэтическимъ представлялась ему и самая женщина и страстное влеченіе къ ней! И въ этомъ влеченіи для Василія не было ничего грязнаго, низменнаго: его молодое сознаніе и нетронутое чувство не научились еще различать въ этомъ поэтическомъ стремленіи къ женщинѣ чистой, свѣтлой любви отъ животной, низменной страсти. Не вѣдалъ онъ, въ какія формы укла-

дываются отношенія между полами, что въ нихъ добро и что зло.

А между тѣмъ, волнуемый этими бурными желаніями, онъ въ то же время убѣждался, что ихъ очень трудно, почти невозможно осуществить. Попробуй онъ подойти прямо къ первой знакомой или незнакомой женщинѣ и поцѣловать ее, взять ея руки, коснуться ея — да вѣдь это былъ бы позоръ въ глазахъ всѣхъ окружавшихъ его, безстыдство, неслыханная дерзость, за которую затюкали бы, высѣкли, да сдѣлали бы съ нимъ Богъ знаетъ что! Все это считалось недоступнымъ, запретнымъ, неприличнымъ! И чѣмъ болѣе оно было запретнымъ, тѣмъ болѣе дразнило и манило его. О, Боже, на какія мелкія, но удивительныя, хитрости пускался онъ, чтобы незамѣтно для другихъ и для самой знакомой или незнакомой женщины, какъ будто ненарокомъ, коснуться ея руки, платья, стана! Влекло Василія и подглядывать, гдѣ только можно было увидѣть болѣе интимный и не особенно задрапированный одеждой видъ женщины — и въ какой затаенный восторгъ и сладостный трепетъ приводила его черезчуръ обнаженная женская ножка или что нибудь въ этомъ соблазнительномъ родѣ; И ни капли сознанія грѣховности и низменности такого поведенія...

V.

Все же Василій страшно мучился, что его мечты и стремленія не находили себѣ удовлетворенія — и дразнящій, но запретный плодъ оставался для него недоступнымъ. Попробовалъ Василій подѣлиться этими муками со своими сверстниками— и, — орадость! — оказалось, что этого не такъ ужъ трудно достигнуть, что хоть все это и не принято и неприлично, но есть много веселыхъ, удивительныхъ женщинъ, которыя позволяютъ легко и цѣловать себя, и брать за руки, и обнимать ихъ, и даже — это уже шепталось на ушко — лежать съ ними —

„понимаешь ты? лежать!... О, это удивительныя женщины! съ ними можно дѣлать все, что захочется, все... положительно все! (И 17-ти лѣтній юнецъ таинственно и многозначительно улыбался!) Онѣ приглашаютъ къ себѣ домой — и тамъ все!... Только онѣ любятъ деньги, безъ денегъ и не ходи! Хочешь, пойдемъ сегодня на бульваръ, я тебя познакомлю съ Сашей, Катенькой, да еще тамъ есть и другія!“ — И Василій пошелъ съ юнцами на бульваръ... Сколько разъ онъ проходилъ по немъ— и ничего не замѣчалъ: женщины для него здѣсь были всѣ равны, всѣ недоступны — и всегда проходилъ онъ съ потупленнымъ взоромъ... А теперь и впрямь, оказалось, что есть какія-то особенныя, веселыя и совсѣмъ доступныя женщины. Дѣйствительно, можно было и сидѣть рядомъ, близко, близко, и даже поцѣловать, обнять — и онъ, увлеченный своими товарищами, не отдавая себѣ отчета, испыталъ самъ эту полную свободу и возможность осуществленія его завѣтныхъ и такъ сильно терзавшихъ его стремленій. Робко, краснѣя и страшно волнуясь, подошелъ онъ вмѣстѣ съ другими, приведшими его сюда юнцами, къ одной изъ этихъ женщинъ, еще болѣе краснѣя и волнуясь, онъ что-то такое сдѣлалъ — не то поцѣловалъ, не то обнялъ... Повторилось это хожденіе на бульваръ съ спеціальной цѣлью и второй и третій разъ... Онъ получалъ не то, что ожидалъ: грубыя, циничныя рѣчи женщинъ и товарищей, безцеремонность, развязност — все это немного разочаровало Василія и даже вызвало въ немъ какое-то непріятное ощущеніе что-то отталкивающее и омерзительное... Но скоро товарищи увлекли его къ одной изъ этихъ „катенекъ“... Необычная обстановка, шумъ, развязные циничные разговоры... Эта „Катенька“ держалась дерзко и вызывающе, скоро она оголилась почти до того костюма, въ которомъ, что называется, Богъ родилъ, садилась всѣмъ на колѣни и затѣмъ повела одного изъ юнцовъ къ себѣ въ полутемную спальню... Это

такъ омерзительно подѣйствовало на Василія, что онъ, несмотря на смѣхъ и издѣвательство своихъ товарищей, схватилъ шапку и удралъ... разстроенный, сконфуженный, съ перемѣшавшимися мыслями и ощущеніями. Было противно и ясно одно, что все это не то, что рисовалось ему въ воображеніи, въ мечтахъ...

Прошло немного времени, гадливость улеглась, и незамѣтно исчезла, воображеніе и чувства опять дразнили его плѣнительнымъ образомъ женщины, а тутъ не давали покою издѣвательства и насмѣшки товарищей и Василій вмѣстѣ съ однимъ изъ нихъ пошелъ въ другой разъ къ одной изъ этихъ бульварныхъ женщинъ — и на этотъ разъ онъ палъ... палъ безъ сознанія совершаемаго имъ поступка...

Вспомнилъ онъ и другія два три паденія, которыя ему пришлось пережить до этой весны — и жутко стало ему за себя... —

Такъ же, какъ и теперь, въ немъ бурлила кровь, туманилась голова, слабѣла воля и налетало что-то демоническое, непобѣдимое, которое неудержимо влекло его въ бездну... и онъ падалъ...

Но теперь... теперь ему было еще страшнѣе за себя!... Вѣдь теперь онъ знаетъ жизнь, видитъ всю неправду, ложь, продажность, самъ клеймитъ развратъ, проституцію, знаетъ, каковы должны быть нормальныя, человѣческія отношенія, онъ самъ вѣдь борется за лучшіе идеалы человѣчества, отдаетъ этой борьбѣ все счастье, всю жизнь свою! Значитъ онъ искренно ненавидитъ все то зло, гдѣ продаются и оскверняются и душа и тѣло людей. Какъ горячо, искренне и сильно гвоздилъ къ столбу позора всю гниль и продажность, царящіе въ нашей жизни, клеймилъ и тѣхъ людей, которые покупаютъ въ угоду своей животной страсти, женъ, сестеръ и дочерей голодающихъ и обездоленныхъ бѣдняковъ... Такъ страстно призывалъ онъ стать выше этой мерзкой жизни, бороться съ нею во имя лучшихъ

дней... большей правды и чистоты людскихъ отношеній!

Но какъ могъ онъ такъ говорить, если самъ не въ силахъ бороться съ своею страстью, если самъ готовъ склониться къ ея непреодолимому призыву и пойти воспользоваться этой неправдою, продажностью, этимъ поруганіемъ святого и извращеніемъ человѣческаго — и тѣмъ самымъ, значитъ, поддерживать, поощрять все это зло?...

Получилось вѣдь страшное лицемѣріе, страшная неискренность... Если самъ онъ не выше своей животной страсти, если самъ поддался раньше и готовъ сейчасъ поддаться ей, то не имѣлъ онъ и не имѣетъ нравственнаго права говорить и проповѣдывать то, чего самъ не исполняетъ. „Нѣтъ силъ быть выше и дѣлать то, что говоришь — тогда устранись отъ учительства: пусть не лгутъ твои уста, пусть не сѣютъ обмана! Ночь прикрываетъ твои дѣла, но горе душѣ твоей, которая двоится, и еще большее горе тебѣ, когда узнаютъ ученики твои, что дѣлаетъ ихъ учитель: великое горе будетъ и дѣлу, которому ты служишь такъ лицемѣрно, такъ двоедушно!...“

VI.

Сидя въ своей душной комнатѣ и мучась въ одно и тоже время и самообличеніемъ, и терзаніями все усиливавшейся страсти, Василій со стыдомъ передъ самимъ собою вспомнилъ, какъ онъ на дняхъ еще велъ горячій споръ съ однимъ довольно пожилымъ уже товарищемъ по дѣлу о личном отношеніи людей ихъ круга и убѣжденій къ половой жизни, къ женщинѣ и проституціи. Товарищъ говорилъ, что, можетъ быть, съ болью въ сердцѣ, съ тоской въ душѣ, но онъ долженъ прямо заявить, что какъ проституція ни противорѣчитъ нашимъ общественнымъ убѣжденіямъ, нравственнымъ понятіямъ и чувствамъ но нашему брату по необходимости, по роковой неизбѣжности, приходится пользоваться этой проституціей и, такъ или иначе, удовлетворять

своей половой потребности. Не съ легкимъ сердцемъ и радостью, а со стыдомъ и мучительной внутренней борьбой идешь на это... но все же... идешь... Эта потребность всесильна, неистребима, — и какъ съ голодомъ и жаждой можно бороться, только утоливъ ихъ, такъ и съ этой страстью: — единственный способъ отдѣлаться отъ нея —это удовлетворить ее, какою бы цѣною это удовлетвореніе ни далось. Ему уже тридцать съ лишнимъ лѣтъ, любить ему не пришлось, да при такой тревожной, перемѣнчивои жизни — и не прійдется: нѣтъ условій и обстановки, необходимыхъ для зарожденія, укрѣпленія и продолженія любви, единственно человѣческой, нормальной и естественной связи съ женщиной... А страсть живетъ, и если она не удовлетворена, она не даетъ жить, работать, думать, бороться, она унижаетъ его до того, что, вмѣсто дѣла, онъ, по мимо воли и сознанія, готовъ просидѣть по цѣлымъ часамъ у окна и подглядывать гдѣ нибудь во дворѣ или на улицѣ женщинъ, у которыхъ ненарокомъ окажется немного выше подокнутой платье или болѣе обыкновеннаго обнаженной какая нибудь часть ихъ соблазнительнаго тѣла... Василій искренно возмущался такимъ отношеніемъ, онъ горячо, страстно доказывалъ противное;— что страсть вовсе не такъ ужъ сильна, что надо бороться, что тутъ компромиссовъ быть не можетъ; что всякій человѣкъ ихъ круга и убѣжденій долженъ быть выше половой страсти и особенно такихъ уродливыхъ, безчеловѣчныхъ, низкихъ формъ удовлетворенія этой страсти, какъ проституція, связь безъ любви; что иначе мы противорѣчимъ себѣ и нашему дѣлу... Но и тутъ уже онъ какъ то особенно горячо, особенно страстно спорилъ: онъ какъ бы хотѣлъ перекричать себя, побѣдить какой-то другой, внутренній голосъ, тихо, но явственно говорившій ему, что на дѣлѣ, въ жизни вовсе не то, что онъ сейчасъ такъ горячо доказываетъ, что и самъ онъ почти не увѣренъ, сможетъ ли онъ выполнить то, что проповѣдуетъ вслухъ,

что онъ страстно, мучительно страстно, хотѣлъ-бы, что бы такъ было въ жизни, что это только его идеалъ, которому самъ-онъ это чувствуетъ, — не въ силахъ слѣдовать и проводить въ жизнь...

И сидя теперь въ своей комнаткѣ, обуреваемый знойной, проклятой весной навѣяннои страстью, онъ покраснѣлъ за свои красивыя, хорошія, высказанныя нѣсколько дней тому назадъ, слова...

Сегодня онъ особенно почувствовалъ, что это были только слова, что ему тогда только хотѣлось, чтобы такъ было! Страстно хочется ему и сегодня, чтобъ это было и въ жизни такъ, но онъ почувствовалъ; что этого не будетъ, что непосильна ему борьба со страстью...

Прошло уже нѣсколько недѣль въ этой мучительной борьбѣ. Было передумано и перечувствовано очень много, чтобъ утишить кровь, взять себя въ руки, былъ представленъ въ воображеніи весь ужасъ и позоръ предстоявшаго паденія Добрый геній нашептывалъ Василію про его любимыхъ поэтовъ, мыслителей и великихъ людей. „Что сказали бы Шелли, Шиллеръ, Надсонъ, П. Я., тургеневскія героини? Вѣдь и поэты и ихъ идеальные образы борцовъ и женщинъ составляли для него свѣтлый, божественный міръ, гдѣ ему жилось такъ хорошо, откуда вѣяло такой кристальной чистотой, человѣчностью и красотой! Все высшее и лучшее его души, его стремленій питалось поэтами и ихъ героями, высокими мыслителями и великими борцами за общественные идеалы. Какъ совмѣстить этотъ свѣтлый, прекрасный и дѣвственно чистый міръ съ тѣми переживаніями и поступками, къ которымъ влечетъ его эта унизительная страсть? Какимъ живымъ укоромъ встаетъ и встанетъ этотъ міръ, эта лучшая, святая святыхъ его души, когда онъ пойдетъ къ женщинѣ и продѣлаетъ все то, что будучи куплей и продажей, носитъ на себѣ печать отверженности и непотребности? Припомнилъ Василій, какъ гнусно, отвратительно гадко, становилось ему послѣ тѣхъ

двухъ трехъ пережитыхъ въ прошломъ паденій... Онъ переживалъ ощущеніе тошноты, омерзенія, руки казались ему, точно обагренными кровью - и онъ не могъ нѣсколько дней касаться ими къ пищѣ. Самъ себѣ онъ былъ противенъ, считалъ себя на вѣки потеряннымъ и потерявшимъ право глядѣть открыто и прямо на божій міръ. Всѣ, казалось ему, должны были его презирать, ибо всѣ должны были прочесть на его лицѣ его позоръ. Не могъ онъ долго послѣ этого и читать своихъ любимыхъ авторовъ, ибо ложью казались ему его якобы высокія душевныя движенія, какія вызывались идеальными образами этихъ писателей и поэтовъ.

„Ну, а дѣвушки, женщины его круга и убѣжденій, такія чистыя, цѣломудренныя? Что скажутъ онѣ, узнавъ настоящаго, неприкрашеннаго хорошими словами и идеальными намѣреніями, Василія? Вѣдь онъ въ ихъ глазахъ хорошій, честный, человѣкъ и товарищъ, стоящій во главѣ свѣтлаго и дорогого имъ дѣла, руководящій ими, являющій имъ примѣръ самоотверженности, идеальнаго, настроенія и общечеловѣческихъ стремленій, неспособный, кажется, поступиться ни одной пядью своихъ убѣжденій?...

„А женщина, которую онъ когда нибудь полюбитъ настоящей, чистой, глубокой и сильной любовью? Что скажетъ она, узнавъ про его паденія? А не сказать Василій не сможетъ: онъ лжи не сносилъ вообще, а въ отношеніи къ любимой женщинѣ — прямо не представлялъ себѣ!... Вѣдь никто не приметъ его любви; а жить презрѣннымъ любимой женщиной, жить безъ любви и уваженія къ себѣ — нѣтъ... это смерть... этого онъ не снесетъ“...

А геній зла нашептывалъ ему совсѣмъ другія пѣсенки... „Честныя, цѣломудренныя дѣвушки!... Гдѣ? Гдѣ причина этого культа чистоты и цѣломудрія дѣвушки? Въ добродѣтели, въ чистотѣ душевной, въ нравственномъ цѣломудріи? Нѣтъ... и тысячу разъ нѣтъ!... Все это культивируется по неизбѣжности, изъ за роковыхъ послѣдствій для женщины:

изъ за рожденія дѣтей! Не будь этого послѣдняго' не имѣй для женщины ея связь съ мужщиной никакихъ послѣдствій, куда бы дѣлась вся эта добродѣтель? Большинство женщинъ всѣхъ сословій народа, богатыхъ и неимущихъ, сознательно или безсознательно руководится только этимъ страхомъ за послѣдствія добрачной, не скованной вѣчными цѣпями, связи: „вѣдь никто потомъ не женится; вѣдь всѣ потомъ затюкаютъ за такое свободное послушаніе голосу сердца и чувства!“... И приходится, только терпя, не за совѣсть, а за страхъ, блюсти свою чистоту до формальнаго брачнаго плѣненія, въ большинствѣ случаевъ, до той же, но узаконенной и освященной обществомъ и религіей, купли и продажи... „А дѣвушки его круга и убѣжденій?... И здѣсь виситъ гнетъ роковыхъ послѣдствій! Не будь ихъ, связи между мужчинами и женщинами были бы болѣе легки и часты. До наступленія глубокой, постоянной любви къ одному человѣку, вполнѣ возможны и естественны были бы два, три увлеченія другими,—такими свободными, искренними и сердечными увлеченіями, которыя сопровождались бы неизбѣжнымъ нарушеніемъ и дѣвственности женщины и мужчины. Но это было бы въ порядкѣ вещей, не было бы ничего безнравственнаго, неприличнаго, разъ все происходило бы по дѣйствительной взаимной симпатіи, взаимному влеченію: связь была бы только болѣе легка и доступна; отсутствовали бы всѣ эти сковывающіе живые чувства предразсудки. Это была бы чистая, безкорыстная, но болѣе легкая и непостоянная связь, напоминающая свободную любовь французской гризетки“...

„А любимая женщина?... Боже мой, да что же такое любовь?... развѣ всѣ эти пылкія желанія ласки, поцѣлуя, объятія, это наслажденіе женщиной — развѣ это не любовь? Вотъ идетъ мимо окна молодая, красивая, жизнерадостная, обольстительная женщина: какъ она влечетъ къ себѣ? какъ хочется цѣловать ее, прижать къ своей груди, отдаться сво-

ему порыву, пережить восторгъ и упоеніе! Что же въ этомъ порывѣ, въ этихъ желаніяхъ дурного, низменнаго? Наоборотъ, внутри въ немъ все ощущается, какъ нѣчто въ высокой степени поэтическое, увлекательное и непреднамѣренное, непосредственное!... Лишь бы эта женщина ощутила то же самое...

А сколько такихъ молодыхъ, красивыхъ, изящныхъ женщинъ проходило мимо Василія и бросало на него такіе увлекающіе, такъ много сулящіе взгляды; казалось, что въ этихъ взглядахъ свѣтилась такая-же непосредственная, стихійная и безотчетная страсть, какою былъ охваченъ Василій, какою, видимо, было охвачено все живое, молодое, что только доступно было вліянію возбуждающей и опьяняющей весны!"....

И эти геніи добра и зла, эти адвокаты правъ духа и тѣла, вели между собою страшно напряженную и мучительную борьбу — и Василій, будучи какъ-бы предметомъ раздора на преимущественное владѣніе имъ между духомъ и тѣломъ, какъ-бы кидался изъ стороны въ сторону, отдавался внушенію то одного, то другого....

Но за послѣдніе дни голосъ тѣла, голосъ страсти сталъ брать верхъ, цѣлый день онъ ничего не могъ дѣлать, ходилъ въ лихорадкѣ, съ налитой свинцомъ головой, съ блуждающими и воспаленными взорами, то бѣгалъ изъ угла въ уголъ, то припадалъ къ окну и жадно наблюдалъ проходившихъ женщинъ. Красивое лицо, формы тѣла, весь видъ женщины страшно волновали его: онъ терялъ самообладаніе и готовъ былъ пойти за этой женщиной съ отчаянной мыслью: „будь, что будетъ!" Но по вечерамъ становилось совсѣмъ невыносимо: весенняя ночь, упоенная нѣгой, мелькавшія мимо оконъ нарядныя и стройныя женщины совершенно опьяняли его — и онъ съ помутившимися мыслями выбѣгалъ на улицу и нервно-возбужденно, съ лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ, проходилъ къ бульварамъ, людным мѣстамъ, блуждалъ по дому — наблюдалъ

проходившихъ женщинъ — кажется, вотъ-вотъ ужъ готовъ былъ подойти къ какой-нибудь изъ нихъ, заговорить, проводить, а тамъ: „будь, что будетъ!“.... Но какъ-то удерживался.... стыдъ, страхъ брали верхъ — и онъ, проблуждавъ нѣсколько часовъ, какъ сумасшедшій, разбитый и усталый возвращался въ свою душную, неуютную, одинокую комнату и забывался тяжелымъ, разслабляющимъ сномъ, полнымъ страстныхъ грезъ и самыхъ соблазнительныхъ видѣній....

VII.

Сегодня повторилось то-же, что и вчера, но еще сильнѣе, еще мучительнѣе. Къ вечеру стало совсѣмъ невыносимо: помутившіяся мысли, полная потеря самообладанія и одно лишь ощущеніе нервной лихорадки да все сжигающаго и въ мозгу и въ тѣлѣ напряженнаго желанія.... и онъ не удержался.... надѣлъ шапку.... помедлилъ.... взялся за ручку двери.... въ головѣ мелькнуло: „что я дѣлаю?“.... „Не знаю, безумствую!“.... И съ мыслью: „будь, что будеуъ!“... онъ тихо вышелъ на улицу, не спѣша пошелъ по ней, какъ лунатикъ, не управляемый сознаніемъ и волей, но властно увлекаемый какимъ-то таинственнымъ, непонятнымъ, но вѣрно направляющимъ его притяженіемъ..... Едва успѣлъ онъ завернуть за уголъ, какъ съ другой стороны улицы замѣтилъ медленно проходившую въ томъ-же направленіи женщину, изящно, но просто одѣтую, съ милымъ, симпатичнымъ личикомъ, тонкимъ станомъ и въ общемъ — довольно привлекательной внѣшностью. Ничего повидимому, въ ней не выдавало женщину извѣстнаго круга, но Василій и очему-то въ этой медленной походкѣ, въ этихъ озирающихся взглядахъ, инстинктивно почувствовалъ, что это одна изъ многихъ которыя если и не прямо предлагаютъ себя, то очень скоро уступаютъ настояніямъ, одна изъ тѣхъ, къ кому можно, не рискуя быть оплеваннымъ, обозваннымъ нахаломъ, подлецомъ, подойти, заговорить,

проводить.... И онъ перешелъ на ея сторону.... Гдѣ то тамъ позади, далеко, далеко внутри просило: „остановись, безумный, еще не поздно!“, но такъ слабо, безпомощно, а во всемъ существѣ, наоборотъ, что-то такое говорило такъ властно и сильно, тянуло такъ стихійно, непредотвратимо, что лишь минута колебанія — и Василій сталъ догонять эту женщину.... „А окружающіе насъ? — мелкало въ это время въ головѣ Василія — вѣдь они видятъ, осуждаютъ, презираютъ?.... Нѣтъ, они сами продѣлываютъ это ежеминутно: и то и видишь нахальные взгляды, дерзкія приставанія, шептанія, удаляющіяся пары безъ стыда и зазрѣнія.... Я теперь, какъ всѣ — и мнѣ нечего бояться презрѣнія этой толпы!.... А вдругъ пройдетъ знакомый, товарищъ, знакомая дѣвушка?

Вотъ вѣдь не далеко отсюда живетъ такая милая, симпатичная, веселая и жизнерадостная Соня Н...! Онъ часто ходилъ къ ней, возбуждался и возбуждалъ ее такими мировыми и высокими вопросами, такъ сильно заставлялъ биться ея сердце (это было видно), они вмѣстѣ переживали такъ много хорошаго, юношески свѣтлаго и непосредственнаго Его тянуло къ ней, онъ такъ жаждалъ приласкаться къ ней, цѣловать ея милое, наивное и прелестное личико, ея руки, ласкать и нѣжать ее... но онъ чувствовалъ, что не любитъ ее, что она слишкомъ наивна, проста, слишкомъ мало задѣваетъ его душу, чтобы хотѣть слить съ нею свою жизнь, раздѣлить вмѣстѣ судьбу и вѣчно вдохновляться ея душой, ея объятіемъ... Въ этомъ чувствѣ къ ней не было ничего глубокаго, постояннаго: хотѣлось только на время, въ минуты увлеченія, ласкать, цѣловать, не больше... И, кто знаетъ, будь они менѣе проникнуты предразсудками, отдайся они этому взаимному влеченію (онъ также, повидимому сильно привлекалъ ее) — дальше ласкъ, болѣе непосредственнаго проявленія своего чистаго, ничѣмъ не замутненнаго влеченія, не пошло бы, а между тѣмъ, молодое и

естественное чувство влеченія къ другому полу, находило бы извѣстное невинное удовлетвореніе, не разрасталось бы въ все сожигающую, бурную страсть —и Василій избѣгъ бы позорнаго паденія... Но это было не такъ... и Василій боялся теперь ходить къ этой дѣвушкѣ — и вмѣсто этого—онъ очутился на улицѣ, догоняющимъ совсѣмъ не знакомую, чуждую ему женщину...

Вотъ онъ догналъ ее... — „Нельзя-ли проводить васъ?“ — „Можно“...—„Вы куда же направлялись?“ „Да думала прогуляться, а теперь“...—„Что теперь?“ — „Будто ужъ и не знаете? Вы зачѣмъ ко мнѣ подошли?“ — „Я думалъ... — смущаясь и краснѣя отъ своего глупаго вопроса, отвѣтилъ Василій — вы направляетесь домой... хотѣлъ проводить васъ“... — „Ну, вотъ видите: *теперь* прійдется домой пойти, такъ какъ — колко и ядовито замѣтила она — вамъ захотѣлось „провести меня именно домой, а не туда, куда я шла“... Вышло страшно глупо... съ минуту они молчали, ибо Василій, сраженный такимъ саркастическимъ замѣчаніемъ, въ которомъ, казалось, звучали: и насмѣшка, и иронія, и презрѣніе къ нему — не находился, что говорить. Онъ ощущалъ всю ложь и неестественность своего положенія... — „Ну, что-же, домой, такъ домой“...—наконецъ, заговорила она, смотря ему прямо, но холодно и безстрастно, въ глаза... — „Пойдемъ“... И пошли... Разговоръ не вязался... Скоро они были дома... Маленькая, но чистая и уютная комнатка, у образа свѣтится лампадка... Она скинула шляпку, предложила поужинать... Появился ужинъ... Василій чувствовалъ себя крайне неловко и все больше молчалъ... Кончился ужинъ...—„Что-же, будемъ спать“... заговорила она, вставая, и начала раздѣваться... — Раздѣвалась она безъ стыда и смущенія, холодно и спокойно, но и безъ особенной циничности, точно бы она была одна у себя... Василій сидѣлъ и боялся глядѣть на нее... „Вотъ это тѣло ему нужно... но почему же онъ не

цѣлуетъ, почему сидитъ?“ — Что-то удерживало его, внутри росло безпокойство, тревога, сознаніе виноватости и неестественности... Мелькнуло въ головѣ представленіе о любимой и любящей женщинѣ... „Развѣ все происходило бы также? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Все это не то, не то! Какъ гадко и скверно на душѣ!“...

Но это было минутное просвѣтленіе... Его сейчасъ же опять захватила мутная волна и съ неудержимою силою повлекла его въ бездну...

VIII.

Глубокой ночью, пришибленный и разбитый, съ глубокимъ отвращеніемъ къ себѣ и къ своему поступку, плелся Василій домой... Вспоминалъ онъ все происшедшее и жутко, холодно становилось ему... Эта женщина!... Въ ней все было такъ безжизненно, холодно, безучастно чувствовалось такое тупое равнодушіе... „Что-же это такое? Не было ни намека на живое чувство, влеченіе, взаимность... Развѣ такъ онъ представлялъ себѣ отношенія къ женщинѣ? Ему хотѣлось жаркихъ объятій и поцѣлуевъ съ ея стороны, ему рисовалось искреннее, безкорыстное, неподдѣльное чувство и влеченіе, полная взаимность и непосредственность... здѣсь же ему и тѣло и душа ея были такъ чужды!... А особенно душа... Вѣдь онъ навѣрное былъ ей противенъ, она не уважала его, презирала... видѣла въ немъ звѣря, а не человѣка... Это страшно... это то же насиліе, но съ вынужденнаго и купленнаго за деньги согласія женщины... Какое право онъ имѣлъ на эту интимную близость, на это тѣло, если душа ея, всѣ ея симпатіи были далеки отъ него, этого случайнаго проходимца?...“ И его охватилъ холодъ, пустота, страшное раскаяніе за свой поступокъ!... Теперь онъ какъ нельзя болѣе

живо почувствовалъ и созналъ, что только любовь освящаетъ страсть, дѣлаетъ ее и естественной, и поэтичной; но, главное, онъ почувствовалъ, что любовь есть нѣчто высшее и большее, чѣмъ страсть, чѣмъ влеченіе къ тѣлу, поцѣлую и объятію.

Онъ сравнивалъ только что пережитое съ тѣмъ, что ему представлялось истинной любовью и находилъ, что въ ней цѣнка прежде всего близость душевная, сердечная, близость двухъ равноправныхъ, уважающихъ другъ друга существъ; близость всѣхъ симпатій, влеченій, человѣческихъ, одухотворенныхъ интересовъ; близость, стремящаяся къ взаимному проникновенію, сліянію и претворенію другъ въ друга— и только такая, нравственная и душевная близость дѣлаетъ естественнымъ, человѣчнымъ и высокопривлекательнымъ, чистымъ и непосредственнымъ близость тѣлесную... „Только едина душа—думалъ онъ— дѣлаетъ возможнымъ и естественнымъ едино тѣло!...“

А тутъ онъ услышалъ отъ этой женщины хотя и обычную, молчаливую и невидную, но не менѣе страшную драму ея жизни, совершенное надъ нею первое насиліе, паденіе, мытарства по цвѣточнымъ, кафе-шантананамъ, испытываемыя ею мученія и надругательства отъ звѣрей-мужчинъ, всеобщее презрѣніе хозяевъ, жильцовъ, дворниковъ и даже дѣтей...— и его — казалось ему теперь — скотская прихоть, страсть на ряду съ этой искалѣченной жизнью, этой тянущейся безъ конца жизненной драмой—представилась ему какъ издѣвательво и поруганіе надъ человѣкомъ, какимъ то жестокимъ безобразіемъ, ничѣмъ несмываемымъ позоромъ...

И онъ думалъ, онъ чувствовалъ теперь, въ эти минуты отрезвленія, онъ клялся самъ себѣ, что этого больше съ нимъ не случится, что онъ больше даже не будетъ переживать борьбы между страстью и

сознаніемъ — и если таковая и будетъ: онъ станетъ выше своей страсти, выше этой борьбы, что въ немъ всегда въ эти тяжелыя минуты будетъ воскресать и торжествовать человѣкъ... Такъ думалъ и чувствовалъ онъ въ тѣ минуты, пробираясь къ себѣ домой, давая самому себѣ аннибалову клятву за все свое будущее...

КОНЕЦЪ.